

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811.161.1

СТЕРЕОТИПЫ И ПРОТОТИПЫ В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЯЗЫКА¹

Н. Ф. Алефиренко

*Белгородский
государственный
университет*

*e-mail:
alefirenko@bsu.edu.ru*

Рассматриваются спорные вопросы соотношения концепта, понятия и категории в их взаимосвязях с образами, символами, значениями и смыслами. Доказывается, что концепт обладает (обычно этнокультурно обусловленным) смысловым содержанием, у основания которого лежит соответствующее понятие, а подведение концептов под ту или иную категорию моделирует концептосферу языка – основу этноязыкового сознания.

Ключевые слова: лингвистика, лингвокогнитивистика, концепт, понятие, категория, этноязыковое сознание.

Введение

На важность национальных (этнических, в нашей терминологии) корней в жизни человека указывали многие русские философы начала XX в. (Н. А. Бердяев, И. А. Ильин, С. Н. Трубецкой). По мнению Н. А. Бердяева [1, с. 135], вне национальности, понимаемой как индивидуальное бытие, невозможно существование человечества. И именно через национальную индивидуальность каждый отдельный человек входит в человечество, он входит в него как национальный человек [2, с. 232–233]. Законом человеческой природы и культуры И. А. Ильин признает то, что «все великое может быть сказано человеком или народом только по-своему и все гениальное родится именно в лоне национального опыта, духа и уклада. Утрачивая связь с этнолингвокультурой, человек теряет доступ к глубочайшим колодцам духа и к священным огням жизни, которые всегда национальны: «в них заложены и живут целые века всенародного труда, страдания, борьбы, созерцания, молитвы и мысли» [2, с. 236]. Для лингвокультурологии крайне важен акцент И. А. Ильина на том, что национальность человека создаётся не сознательно, а укладом его *инстинкта* и его *творческого акта*, укладом его *бессознательного...*» [2, с. 237]. Эти суждения учёного справедливы не только в отношении культуры вообще: они особенно существенны и органичны для лингвокультуры. Присмотревшись к тому, как верует человек, какую молитву и как читает, как и в каких речевых образах проявляются его доброта, геройство, чувство чести и долга; как он поет, читает стихи, можно определить сыном какой нации он является. Всё это, заметим, зависит не столько от сознательного поведения человека, сколько от его духовного уклада, проявляющегося бессознательно.

Чем обуславливается неповторимость, непохожесть этнических культур? Этот вопрос с завидной постоянностью возникает потому, что многие элементы сами по себе не всегда являются уникальными. Они повторяются во множестве культур. С точки

¹ Опубликовано в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы по Госконтракту П 1306.

зрения философии, уникальность этнокультуры создаётся той системой организации элементов опыта, которая свойственна лишь данной культуре [3, с. 354]. С точки зрения психологии, уникальность этнокультуры обуславливается тем, что «в основе мировидения и мировосприятия каждого народа лежит *своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем*. Поэтому сознание человека всегда этнически обусловлено, видения мира одним народом нельзя простым «перекодированием» перевести на язык культуры другого народа» (*выделено нами* – Н. А.) [4, с. 20]. С точки зрения лингвокультурологии, объяснение самобытности этнокультуры следует искать в словах, которыми фиксируются образы познаваемых предметов и явлений. Почему в словах? Потому что такое слово вырастает из действия и несёт в себе его скрытую энергию (потенциальную модель культурного действия). С помощью культурно маркированного слова как раз и задаётся та система координат, в которой человек живёт, в которой формируется образ мира – основополагающий элемент этнокультуры [см.: 5, с. 221]. «Назвать» – значит приписать номинанте определенное значение, а придать определенное значение чему-либо – значит понять его, включить в свое сознание. Поэтому за словом в его звуковой или графической материальности стоит фрагмент живого образа из мира конкретной этнокультуры. Системность же значений есть отражение системности самой культуры, той структуры образа мира, которая в ней сформирована.

2. Понятие этнокультурного пространства языка

Формой существования культуры в сознании человека служит так называемое национально-культурное пространство, или общее для всех представителей данного этноязыкового сообщества сознание. Определение, конечно, впечатляет своей философской широтой и афористичностью, однако ещё не раскрывает сущность рассматриваемой категории.

Национальное культурное пространство по своей природе – это информационно-эмоциональное («этническое») поле, виртуальное и в то же время реальное пространство существования и функционирования человека, которое становится осязаемым при столкновении с явлениями иной культуры. Национальное культурное пространство включает в себя все существующие и потенциально возможные представления о феноменах культуры у членов национального лингвокультурного сообщества.

Национально-культурное пространство можно представить в виде поля. Его ядро образует национальная когнитивная база, под которой авторы словаря понимают определенным образом структурированную совокупность знаний. Когнитивная база проецируется на этнокультурное пространство и становится его важнейшей составной частью. Поскольку же это база этнокультурного пространства, знания эти должны быть национально и культурно маркированными представлениями, присущими всем представителям соответствующего лингвокультурного сообщества. С этим никто и не спорит. Однако более таинственным процессом является то, каким образом такого рода знания становятся общими для всех говорящих на том или ином языке.

Прежде всего, речь здесь должна идти не о биологическом индивидууме, а о личности. Иными словами, чтобы представлять какое-либо лингвокультурное сообщество, оказаться его неотъемлемой частью, индивидуум должен стать личностью. Достигается такое чудесное превращение путём так называемой социализации. Сутью этого процесса и его целью является трансляция культуры, прежде всего, посредством языка. На начальном этапе социализации культура актуализуется в виде фольклорных дискурсов, основными репрезентантами которых выступают народные песни, былины, пословицы, поговорки и другие структуры языка, фокусирующие народную мудрость. Затем этноязыковое пространство культуры расширяется: подключаются другие семиотические средства культуры, формирующие прежде всего базовые этнокультурные концепты.

Здесь мы вплотную подошли к феномену концепта. Написано о нём очень много. Однако от этого он не приобрёл пока общепринятого понимания. Всё ещё существует два направления в его истолковании: когнитивистское и культурологическое. Каза-

лось бы, не мудрствуя лукаво для нужд лингвокультурологии нужно просто принять вторую точку зрения. Однако для становления когнитивно-семиологической парадигмы лингвокультурологии это было бы слишком простым решением. Поэтому попробуем разобраться в каждом из существующих подходов.

Начнём с того, что концепт рождается как образ, но, появившись в сознании человека, этот образ способен продвигаться по ступеням абстракции. С увеличением уровня абстрактности концепт постепено превращается из чувственного образа в собственно когнитивную структуру этноязыкового сознания.

3. Прототипы этноязыкового сознания

Сложность истолкования этноязыкового сознания объясняется тем, что в лингвокультурологии вообще своеобразно и неоднозначно переплетаются когнитивные и собственно культурологические категории. Кажется, наиболее проблемным среди них является понятие этноязыкового, или этнокультурного, сознания. Если *сознание* в когнитивистике — это высшая, понятийная, форма отражения человеком действительности и его отношения к отражаемому, то этноязыковое сознание является высшей духовной категорией, представляющей собой ассоциативно-смысловую форму стереотипного отражения ценностно-познавательного пространства того или иного этнокультурного сообщества. В соответствии с таким пониманием структурными компонентами этнокультурного сознания являются, с одной стороны, когнитивные элементы (понятия, представления) и некогнитивные (чувства, эмоции, воля и др.). Другой не менее важный блок компонентов этнокультурного сознания составляют те элементы культуры (ценности, оценки, смысловые интерпретации и т. п.), которые приобрели статус этнокультурного стереотипа.

Вопрос о правомерности выделения этноязыкового сознания в отдельную категорию остается в науке открытым. Считается, что любое сознание непременно объективируется культурно маркированным семиотическим кодом. Однако не лишена смысла и другая точка зрения, согласно которой когнитивные процессы, конечно же, опираются на знаковые опосредователи, но ими могут быть не только знаки языковые, но и другие семиотические средства передачи информации. Как уже отмечалось, любая семиотическая система служит своеобразным «языком» или, точнее, кодом хранения информации в нашей памяти и её декодирования в процессе речевого общения, т. е. передачи информации.

Дальнейшее изучение знакового изоморфизма между системой естественного языка и системой мышления обещает расширить наши знания о закономерностях накопления, хранения и переработки информации, связанных с мышлением. Мышление и язык возникли, по данным современной науки, в результате единого эволюционного процесса. Звуковой язык появился вместе с возникновением человека. Он формировался на основе уже имевшихся голосового и слухового аппаратов, способных соответственно производить и воспринимать акустические сигналы (свойство и животных). В процессе эволюции человека звуковые сигналы превращались в сложнейшую систему символов, знаков, наиболее совершенными из которых являются языковые. Очевидно, изначально эти знаки имели непосредственные (прямые) связи с предметами окружающего мира. Затем произошло замещение и полное вытеснение реальных связей условными, в результате чего знаки стали воспроизводимыми. Это свойство необходимо языку не только для того, чтобы, подобно генетическому коду, хранить и передавать информацию, но и для выполнения общественных, в том числе и стереотипных, функций. Поскольку свойство изоморфизма генетического и языкового кодов обуславливается, надо полагать, единством глобального эволюционного процесса, оно служит глубинным механизмом перекодирования информации из структур когнитивной стереотипизации (фреймов, концептов, гештальтов и др.) в структуры языковых стереотипов — естественной основой синергетики когнитивного и языкового сознания.

Способы и средства такого перекодирования в целом зависят от понимания типологии когнитивных структур и их соотношения. Существует две точки зрения. Согласно первой, все многообразие видовых мыслительных структур можно подвести под одно родовое

когнитивное образование — концепт. В соответствии со второй точкой зрения, все типы мыслительных структур представляют собой однопорядковые образования: *концепты, фреймы, скрипты, сценарии, гештальты*. В нашем представлении когнитивные структуры находятся в *иерархических отношениях*, высший уровень в которых образует целостный мыслительный образ — *гештальт*. Затем путем членения целого на составляющие его части можно выделить три событийные структуры — *фрейм, скрипт и сценарий*. Элементарной когнитивной единицей событийных структур является *концепт* — оперативная единица ментальных или психических ресурсов нашего сознания, содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (Е. С. Кубрякова). Таким образом системно упорядоченные и вербализованные структуры формируют так называемое языковое сознание. Те же вербализованные структуры познания, которые в силу своей социокультурной значимости, подвергаясь дальнейшей категоризации, превращаются в лингвокультурные стереотипы, образуя некую этнокультурную матрицу этноязыкового сознания. Если следовать такой логике интерпретации зависимости лингвокультурных категорий, то можно утверждать, что этноязыковое сознание в некотором роде является дериватом этнокультурного сознания — категории не менее загадочной и спорной.

Этнокультурное сознание — результат отражения и стереотипного восприятия образа мира, осуществляющихся в соответствии с особой сеткой ценностно-смысловых координат, которая системно организует базовые концепты той или иной национальной культуры. В связи с этим специфику каждой этнокультуры определяет структурированная совокупность вербально закодированных основных духовных ценностей, традиций и обычаев народа. Прежде всего, этнокультурной значимостью отмечены стереотипные языковые единицы: идиомы, паремии, языковые метафоры и устойчивые стилистические фигуры. В своей совокупности эти языковые стереотипы образуют в нашем сознании особый структурный ярус — этноязыковое сознание, элементы которого в яркой образной форме представляют наиболее важные для данной этнокультуры объекты — предметы, события, факты. Стереотипные представления о культурно значимых объектах, зафиксированных в концептах, фреймах, скриптах и сценариях, связаны с прототипическими признаками тех или иных классов познаваемых и вербализуемых предметов.

Прототипический подход к семантике предполагает, что категории выступают в наиболее ярких и презентабельных образцах [6; 7]. *Прототип* — это наиболее репрезентативный (канонический, эталонный) вариант определенного инвариантного системного объекта, характеризующийся наибольшей специфичностью (концентрацией специфических признаков данного объекта), способностью к воздействию на производные варианты и во многих случаях — наиболее высокой степенью регулярности функционирования. Одним из общих свойств инварианта и прототипа является свойство относительности, суть которого состоит в том, что рассматриваемое значение может быть производным от прототипа более высокого уровня и вместе с тем быть прототипом по отношению к тому или иному семантическому варианту, находящемуся на более низкой ступени иерархии.

Соотношение рассматриваемых понятий обуславливает алгоритм инвариантно-прототипического анализа, помогая 1) решить вопрос истолкования данного семантического феномена как категориального значения, представляющего собой инвариант; 2) определить сеть (ряд) вариантных реализаций изучаемого категориального значения (наличие вариантности предполагает использование понятия прототипа как эталонного варианта, наиболее ярко выявляющего специфику данного значения); 3) исследование вариантов начинается с прототипа как эталона, затем рассматриваются отдельные этапы перехода эталонных свойств к свойствам единиц, находящихся в заядерной зоне, затем на ближней и, наконец, на крайней (дальней) периферии (А. В. Бондарко).

Прототипические признаки — это те свойства, которыми характеризуются предметы соответствующего класса. Причем набор таких признаков и их иерархия в каждом национальном языке «свой». Иными словами, одни и те же объекты воспри-

нимаются и кодируются этноязыковым сознанием в соответствии с выработанными в данном этнокультурном сообществе представлениями о данном классе предметов. И это при том, что логически механизмы их концептуализации остаются универсальными. Одинаковые концепты в разных языках могут иметь различные вербальные репрезентации. Ср. сходные по смыслу пословицы в разных языках: *Паршивая овца все стадо портит; С глаз долой — из сердца вон.*

К номинативным единицам высокой национальной нагруженности, по данным А. Г. Гурочкиной, относятся, прежде всего, обозначения бытовых реалий (одежда, украшения, денежные единицы, музыкальные инструменты и т. д.), антропонимы, топонимы, названия явлений и предметов духовной культуры, ритуалы, традиции [8, с. 122-123]. Другой номинативной единицей, ядерный компонент лексического значения которой национально обусловлен, является коннотативная лексика. Например, одних и тех же животных народы разных стран наделяют различными качествами (*свинья* – амер. ‘грубиян, жадина’; рус. – ‘неряха, грязнуля’).

Специфика наименования, представления того или иного объекта, явления или процесса отдельным этноязыковым коллективом обусловлена его особым (стереотипным) видением мира, определяемым культурной моделью, существующей в национальной традиции, и ее языковой проекцией. Изучение культурно маркированных языковых образований, отражающих представления о мире внутри отдельной национально-культурной традиции, формирующей свой состав словаря и определяющей особенности дискурсивной организации текста, позволит выявить специфику восприятия и познания мира разными народами, и характер её отображения в этнокультурной архитектонике языкового знака.

4. Этноязыковые векторы лингвокультуры

Словосочетание «национально-культурный компонент языкового значения», хотя и стало популярным в современных исследованиях, ещё не обрело устойчивого и общепринятого понимания. Понятно лишь, что оно призвано фокусировать смыслы, рождаемые взаимодействием национального и культурного факторов формирования семантической структуры языкового знака. Но в чём заключается смысл его терминологического содержания? – Вопрос, который уже не одно столетие остаётся открытым. В поисках решения данной проблемы В. Г. Гак предлагает различать национальную и культурную специфику языкового знака.

Национальную специфику слова, по его мнению, предопределяют два фактора — объективный и субъективный. Выявляются они путём сопоставления языков. Под *объективным* фактором понимается ценностно-смысловая значимость естественных и культурных реалий, определяющих стереотипы жизненного пространства того или иного народа. *Субъективный* фактор характеризуется возможностью факультативного выбора знакообозначений одних и тех же реалий, которые по-разному представлены ментальными стереотипами разных этноязыковых сообществ. Иными словами, национальная специфика проявляется различными языковыми репрезентациями одних и тех же объектов реальной или воображаемой действительности. Причем такие различия не всегда культурно маркированы. А часть таких различий и вовсе может быть не обусловлена культурными факторами. Культурная специфика, согласимся с В. Г. Гаком [9], предполагает соответствие слова определенному стереотипу менталитета или какому-либо объекту предметно-культурного пространства народа, его истории, верованиям, традициям и естественным условиям жизни. Именно в сфере стереотипной ментальности народа и следует искать источники синергетики национального и культурного компонентов в семантической структуре языкового знака.

Однако заметим, разведение национальной и культурной специфики не является единственным возможным толкованием «национально-культурного компонента языкового значения». Ряд авторов феномен национально-культурной специфики языкового знака исследует в его целостности. В основе такого подхода лежит точка зрения Н. А. Бердяева, признававшего, что культура никогда не была и никогда не бу-

дет отвлеченно-человеческой, она всегда конкретно-человеческая, т. е. национальная [1] и в этой своей самобытности представляет человека и ценностно-смысловое пространство его обитания как единое целое. Данное положение является базовым для исследования стереотипной организации этнокультурного пространства языка. Считается, что всё, что может быть истолковано в терминах стереотипной оценочности, принадлежит к кругу национальной лингвокультуры. Хотя некоторые исследователи полагают, что национальная специфика языкового знака обусловлена только этнически, т. е. детерминирована самим фактом принадлежности к определенному этносу.

Итак, лингвокультурологическое исследование языковой стереотипизации этнокультурного пространства предполагает прежде всего анализ национальной специфики языковых знаков, обуславливающейся механизмами генетического и функционального взаимодействия языка и культуры. Это образует этноязыковой вектор лингвокультурологии. Второе направление лингвокультурологии связано с исследованием культурно-семиотической специфики языкового знака. Для этого используются сравнительный и интроспективный методы исследования. Сравнительный подход предполагает сравнение с другими языками и культурами, поскольку именно сравнение способствует выявлению общих и специфических черт языковых репрезентаций социокультурных стереотипов. Интроспективный анализ предполагает работу с информантами и текстовый анализ с целью выявления национально-культурной стереотипизации языка. Гармоничное сочетание интроспективного и сравнительного методов при изучении национально-культурных стереотипов поможет уйти от полного этноцентризма (Т. Г. Стефаненко), когда культурно-языковым стандартам, выявленным в этнокультурном пространстве одного сообщества, придаётся статус универсалий. С другой стороны, сочетание данных исследовательских эвристик позволит избежать противоположной крайности, состоящей в попытке атомарного (обособленного) описания лингвокультурного содержания слова, что в принципе невозможно без обращения к глубинным (внутренним) взаимосвязям культурно-языковых универсалий и уникалий. Насколько это важно для изучения национально-культурной специфики слова, формирующей языковые стереотипы этнокультурного пространства?

В настоящее время этот вопрос находит различные, вплоть до взаимоисключающих, решения. С одной стороны, усиливается (видимо в связи с общей тенденцией к глобализации мироустройства) нигилистический взгляд на признание системных связей языка и культуры, согласно которому концепция культурно-языковой специфики признаётся несостоятельной. С другой стороны, признание тотального доминирования национально-культурной специфики отдельных языков не допускает существования лингвокультурных универсалий. Анализ языковой действительности убеждает нас в том, что культурно-языковая специфика языкового знака и культурно-языковые универсалии не находятся в отношениях взаимоисключения. Они не только сосуществуют, но и предполагают друг друга. Такая точка зрения согласуется с утверждением Б. Рассела о том, что наше знание о мире и вещах (речь в данном случае идёт о вербализованном знании) состоит из знания двух видов — когда вещи известны как конкретности и как универсалии [10, с. 8]. Соответственно универсальная и национально-культурная составляющие языкового знака находятся в комплементарных отношениях друг к другу. Наличие у языка этнокультурной специфики, во-первых, «не отменяет» действия культурно-языковых универсалий, и, во-вторых, предполагает стереотипизацию этнокультурного пространства национально-языковых картин мира [11].

Заключение

Поскольку под стереотипом понимается субъективно детерминированное представление <...>, в котором находят отражение *объективные и оценочные признаки называемого предмета или явления*, выделенные в результате интерпретации действительности в рамках социально релевантных познавательных моделей [см.: 12, с. 180], социокультурные стереотипы обуславливают характер коннотаций языковых значений, создают трудно уловимую этносемантическую ауру языкового знака. Они, несомненно, связаны с

внутренней формой слова, с мотивировкой его значения. Однако, несмотря на свою неувязимость, внутренняя форма, как и коннотация, может обыгрываться говорящими в их дискурсивной деятельности и влиять на употребление слова. Внутренняя форма утрачивается, если семантическая связь перестает осознаваться носителями языка. В когнитивно-семиологическом описании социокультурные стереотипы соотносимы с понятием *прототипа*, ставшим для Э. Рош основным в современной когнитивной психологии. Для когнитивно-семиологической парадигмы лингвокультурологии это понятие ценно тем, что помогает осмыслить процессы категоризации, в значительной степени зависящие не только от собственно когнитивных механизмов, но и от того культурно-дискурсивного пространства, в котором находится человек. Опыт Э. Рош показали, что любая категория имеет внутреннюю структуру, состоящую из *центра* (прототипа) и *периферии*. В соответствии с этим можно утверждать, что социокультурным стереотипом является некий эталонный член данной категории, в котором воплощены наиболее характерные ее признаки. Метонимическое мышление позволяет по прототипу опознавать всю категорию в целом, формировать социокультурный стереотип.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Судьба России / Николай Бердяев. – М.: АСТ, 2005. – 333 с.
2. Ильин В. В. Теория познания. Эпистемология. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. – 422 с.
3. Polok K., O czym zapomnial (?) Noam Chomsky, albo o miejscu kultury w języku // *Język poza granicami języka: Teorija i metodologia współczesnych nauk o języku*. Pod red. A. Kiklewicza i J. Dębowskiego. – Olsztyn, 2008. – S. 349–364.
4. Леонтьев, А. А. Деятельный ум / А. А. Леонтьев. – М.: Смысл, 2001. – 378 с.
5. Лурье С. В. Историческая этнология / С. В. Лурье. – М., 1997. – 296 с.
6. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Д. Лакофф, М. Джонсон // *Теория метафоры*. – М.: Прогресс, 1990. – С. 387–416.
7. Langacker, R. W. The conceptual basis of cognitive semantics // *Language and conceptualization* / Ed. by J. Nuyts and E. Pederson. – Cambridge, 1997. – P. 27–44.
8. Гурочкина, А. Г. Этнокультура и языковое сознание / А. Г. Гурочкина // *Филология и культура: материалы III Междунар. науч. конф.* – Тамбов, 2001. Ч. 3. – С. 122–123.
9. Гак В. Г. Русская динамическая картина мира / В. Г. Гак // *Русский язык сегодня: сб. ст.* – М.: Азбуковник, 2000. Вып. 1. – С. 36–44.
10. Рассел Б. Человеческое познание: его сфера и границы. – Киев: Ника-центр, 2001. – 560 с.
11. Алефиренко Н.Ф. Социокультурные стереотипы и коннотации слова // *Русский язык в поликультурном пространстве* / под ред. Л.Ю. Касьяновой. – Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2007. – С. 11–15.
12. Киклевич А. Притяжение языка. Т. 1. Семантика. Лингвистика текста. Коммуникативная лингвистика. – Olsztyn, 2007. – 411 с.

STEREOTYPES AND PROROTYPES IN ETHNOCULTURAL SPACE OF LANGUAGE

N. F. Alefirenko

*Belgorod
State
University*

*e-mail:
alefirenko@bsu.edu.ru*

The article deals with lingvophilosophical and ethnolinguistic questions of forming of national-cultural space in linguistic consciousness. The main point of the issue is defined by linguistic mechanisms of verbalization of prototypical cognitive structures in it. It is attempted to prove that the results of value-semantic categorization in whole are identified by prototype and semantics of ethnolinguistic stereotype which is formed by prototype, too.

Key words: ethnocultural consciousness language, concept, discourse, prototype, ethnolinguistic consciousness.